

A dark, expressive painting of a man's face, rendered in shades of purple, blue, and red. The man has a somber expression and is wearing a dark jacket. A placard with the numbers '11 17' is visible on his chest. The background is dark and textured, with some white scribbles at the top. A circular logo with the text '12+' is in the upper right corner.

12+

АЛИСА КОЛОТАЕВА
МГНОВЕНИЯ ЖИЗНИ

Алиса Колотаева

Мгновения жизни

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64140521

SelfPub; 2021

Аннотация

Непростой выбор стоит перед героем после аварии на космическом корабле. Провести год в одиночестве в открытом космосе на пути к Земле, имея возможность редких сеансов связи с любимым человеком? Или воспользоваться крио-камерой и проскочить год жизни за мгновение, оставаясь в состоянии глубокой заморозки? Что ждёт его по возвращению домой? Будет ли радостной встреча? Любое мгновение наполнено жизнью. Но принять её или отказаться каждый решает сам.

Алиса Колотаева

Мгновения жизни

Космический корабль был почти полностью погружен во тьму. Я бродил по нему, давно забыв о страхе. Еще пару месяцев оставалось продержаться до контакта со спасательной миссией.

Первое время после аварии каждая моя минута была на счету. Наладить все системы, устранить утечку кислорода, законсервировать большую часть отсеков ради сохранения энергии на максимально продолжительное время.

Я не боялся. Мне было некогда думать о будущем. Важно было прямо сейчас произвести все необходимые действия, от которых зависела не только моя жизнь, но и сохранение результатов важнейших исследований. У меня не было права потерять их. Они принадлежали не мне, это было достояние моего народа

Страна работала на износ ради благополучия каждого из нас. Лучшие инженеры и биологи сделали всё возможное, чтобы эта миссия состоялась. Я гордился тем, что мог принимать непосредственное участие в ней. Это действительно было важно. Наша страна поднималась после разрухи и грабежей. И уже не была нищей, униженно зависящей от чужих подаваний. Мы снова обрели свою честь и достоинство, мы набрались сил не просто выживать, но идти вперед. К новым

вершинам. К новым технологиям.

Открытие уникального источника энергии разделило историю человечества на до и после. Античастица, позитрон, давно была известна, но никому не удавалось синтезировать ее в чистом виде в достаточном количестве, чтобы её потенциал можно было использовать. Но даже если бы кто-то достиг успеха в этом, выделяемый ею объем энергии при соединении с обычной материей был настолько огромен и разрушителен, что всё человечество оказывалось под угрозой.

Основной задачей было придумать способ сохранить её стабильность. Ведь даже десяти грамм такого вещества хватило бы, чтобы долететь до Марса всего за пару дней. Какое бы правительство отказалось от таких возможностей.

Долгие годы в разных странах велись разработки, но только нашим ученым это удалось. Политика страны была направлена на обучение и поддержку самых сильных умов с малых лет. И это принесло свои плоды. Новый источник энергии был освоен. Самые строгие меры безопасности предпринимались ради сохранения его стабильности. А следом за этим началось проектирование принципиально иных космических кораблей. Мы стояли на пороге впечатляющих открытий. Важность этого осознавал каждый из нас.

Я был избран для участия в этой миссии на ряду со множеством других граждан. Один за другим стартовали в небо наши новые корабли. Они разлетались во все концы Млечного Пути. Да, именно так! Не Солнечная система была на-

шей целью, но вся Галактика.

Люди едва поспевали свыкнуться с новыми знаниями. Человеческий дух рвался вперед, к невероятным приключениям, наши сердца горели. Но сознание не поспевало. Как можно объять необъятное? Как можно принять мысль о том, что веками недоступное открылось перед тобой, как на ладони.

Успех моей страны в этих исследованиях требовал от всех нас и огромной ответственности. Сохранить себя людьми, не продавать технологию даже ради богатства и сытой жизни каждого из нас. Тщательно беречь себя от пагубных мыслей использовать новую энергию для защиты границ и усиления собственной власти на мировой арене. Только исследования. Только наука. Только развитие на благо человечества.

Каждый чувствовал, что отвечает за безопасность всего мира и это сплотило нас, как никогда.

Я снова вспомнил свое ощущение, когда впервые услышал, что моя кандидатура утверждена для полета. И хотя в душе я ликовал, выдержанная годами, не подвела. Спокойно и с достоинством я принял оказанную мне честь. Теперь предстояло закончить дела здесь, на Земле, и в течение двух недель быть готовым к полёту.

Голова кружилась от невозможности до конца осознать всю меру ответственности, которую возложили на меня и других астронавтов. Первые ночи после назначения прошли беспокойно. Мои близкие друзья, моя семья, и гордились мной, и ужасно боялись за меня. А сам я не мог свыкнуть-

ся с мыслью, что, возможно, покидаю Землю навсегда. Во мне не было страха. Был азарт и предвкушение новых открытий. Долгие годы я углублялся в науку, чтобы стать одним из лучших и достойно служить своей стране. Я освоил не только свою специальность, но и прошел обучение по управлению кораблем, углубленный курс инженерии и астрономии. Неплохой результат для врача. Но мысли о близких, которых я могу больше не увидеть, хоть и не беспокоили меня серьезно, ведь я верил в успех, но создавали ощущение нереальности происходящего.

И вот теперь я здесь. Заперт в консервной банке где-то на краю галактики. До сих пор не могу понять, как это произошло. Ведь расчеты были проверены многократно. Но три дня назад в одном из отсеков произошёл пожар. Возможно ли, что наши враги добрались до нас? Неужели кто-то из экипажа оказался диверсантом? Но какая выгода ему уничтожить корабль? Ведь результаты исследований, которые мы провели, впечатляют. Все эти данные и образцы принесут на Землю мир и процветание. И деление на страны и нации не сможет этому помешать. Если граждане нашей страны смогли объединиться и забыть все споры ради общей цели, то это возможно и в масштабах всей планеты. Кто будет противиться этому? Зачем?

Сейчас, когда я сделал всё необходимое, чтобы сохранить корабль после пожара и спасти результаты исследований, у меня оказалось достаточно свободного времени, чтобы раз-

мышлять. Ближайшие недели или даже месяцы не приходится рассчитывать на помощь. Я один и мне надо привыкнуть к этому ощущению.

Связи нет. Топлива хватит на определенное время. Герметичность восстановлена. Кислород в норме. Остаётся ждать. Через пару недель я окажусь в зоне приема сигнала на какое-то время и смогу согласовать дальнейшие действия с центром. Но сейчас, сейчас... Эти несколько недель мне надо занять себя чем-то, чтобы сохранять разум ясным и холодным. Позже я смогу воспользоваться крио-камерой, если понадобится ждать помощи дольше, чем я рассчитываю. Но пока следующие шаги не согласованы с руководством, я не могу воспользоваться счастливой возможностью уснуть и не мучить себя томительным ожиданием.

Тревожный сигнал поднял меня с постели. Я спал всего пару часов. Как приятно было провалиться в этот глубокий сон после многих дней тревог и изнурительной работы по настройке систем корабля после аварии. Неужели снова что-то вышло из строя?

Я быстро оделся и вышел из каюты. На ключевых постах коридора по пути в рубку мигали красные лампы. Нарастающее беспокойство заставило меня ускорить шаг. Я спустился на центральную палубу и подошел к пульту управления.

Впереди за стеклом в глубине бескрайнего черного космоса сияла звездная туманность. За эти дни я так и не смог

привыкнуть к её ошеломительной красоте. Каждый раз она заставляла мое сердце замереть на пару секунд, и не имело значения на сколько я торопился, и угрожала ли моей жизни текущая аварийная ситуация. Есть в этом мире вещи, которые способны отменить всё то, что ещё мгновение назад имело для нас большое значение.

Впервые я понял это здесь, на корабле, пытаясь наладить подачу кислорода. Уже почти задыхаясь, ощущая в крови натиск адреналина, я возился с пультом управления системой, когда на очередном витке во мраке окна появилась эта туманность и заставила меня на минуту забыть о своём бедственном положении.

– Я рад вас видеть, ребята, неплохо смотрите сегодня! – Улыбнулся я мягкому блеску звезд. – А у меня тут важное дело намечается! Как думаете, на этот раз новости будут хорошие?

Я, как опытный врач, один из лучших, надо добавить, прекрасно понимал, что разговоры со звездами – тревожный симптом. Но в отличие от Робинзона Крузо, у меня не было шансов найти здесь одушевленного собеседника, а как известно, человек – существо социальное, и не может находиться в изоляции долгое время без угрозы психическому здоровью, будь он хоть доктор, хоть кто.

– Посмотрим, какая такая надобность заставила меня нарушить сладкий, целебный сон... – Я бормотал себе под нос, быстро выводя на экран информацию по каждой системе. –

Всё в порядке. Выглядит так, будто это ложная тревога. Однако, на корабле такого уровня этого не может быть, что скажете, доктор? Что ещё я могу проверить?

Под потолком продолжала мигать красная лампа. Я судорожно водил пальцами по многочисленным переключателям пульта, пытаюсь понять, что упустил. В конце концов я врач, и, хотя курс пилотной подготовки прошёл на отлично, я не мог знать об этом корабле всё.

– Что я упускаю, а, ребята? – Звёзды молча наблюдали за моими суетливыми движениями.

Из дальнего угла рубки послышался треск, похожий на слабый радиосигнал.

– Не может быть! До вхождения в зону связи еще минимум неделя! – подумал я, как обычно вслух. Подошёл к радиоустановке и взялся за наушники. Треск повторился. Однако, всё оборудование, которое я проверял после аварии, не было активно. В наушниках тоже тишина. Я внимательно прислушался, стараясь установить источник звука. Он шёл от куда-то снизу.

Опустившись на колени, я заглянул под консоль. Справа почти у самого пола в тёмной нише мигала красная лампочка.

– Любопытно, не находите? Что у нас тут... – Я протянул руку и достал из углубления маленький портативный компьютер. – А про это тебе забыли рассказать, однако!

Красная аварийная лампочка под потолком погасла.

Усмехнувшись я мысленно послал «нежные» слова благодарности конструкторам этого корабля.

– Конспираторы, твою мать.

Я опустился в удобное кресло первого пилота и, положив чемоданчик перед собой, открыл его.

Устройство было каким-то допотопным на первый взгляд. Монохромный экран и грубые квадратные кнопки клавиатуры. И всё же именно из его динамиков, расположенных с обеих сторон корпуса, раздавался треск радиочастот.

– Посмотрим... Итак, аппарат работает. – Я нащупал кнопку маленькое колёсико и стал медленно его вращать, прислушиваясь к треску. Определенно что-то поменялось. В какой-то момент мне показалось, что я разобрал человеческую речь.

– Отлично, доктор! Да ты явно двинулся головой, поздравляю! В этом чудесном космосе такая примитивная штука просто не может работать, а значит, у тебя глюки, что и следовало ожидать. – Однако пальцы мои продолжали медленно двигать колёсико в безумной попытке настроить связь с Землей.

Через несколько часов пустых усилий я почувствовал дикий голод. Ни о каком радиоконтакте не могло быть и речи. Даже мне это было очевидно. Но как объяснить сигнал тревоги и треск радиочастот?

– Надо пойти подкрепиться. На голодный желудок и с больной головой я точно ничего не решу, правда, ребята? –

Но звездная туманность за стеклом скрылась из виду на очередном витке. А я почувствовал себя безумно одиноким.

Всю неделю я не терял надежды установить контакт с Землёй. Таскал этот чемоданчик за собой повсюду. Я знал очень хорошо, что в назначенный день центр управления выйдет на связь. Но чем дольше я ждал, тем острее чувствовал, что не был готов ко всему этому.

Я не имел способностей пилота-астронавта. Я был отличным врачом и неплохо освоил смежные специальности. Лучше других, надо полагать, раз меня утвердили на это место. И хотя я показал прекрасную стрессоустойчивость при работе в команде, меня никогда не готовили к тому, что я застряну один в глубоком космосе. Это была пытка.

В первые несколько недель, пока я налаживал системы жизнеобеспечения, в голове не возникало никаких тревожных мыслей. Дефицит кислорода, знаете ли, не располагает к тоске по пустым разговорам. Но потом... Вот уже второй месяц я был заперт в этой железной банке в полной безопасности и в отличных бытовых условиях. Трезвый ум и крепкая психика гарантировали мне определенную эмоциональную стабильность на какое-то время. И, однако, время тянулось бесконечно медленно. А одиночество угнетало всё больше с каждым днём.

С нетерпением я ждал сигнала из центра управления с Земли. Ещё пара дней, и они должны выйти на связь. С точки зрения физики это станет возможным при прохождении

кораблём определённой точки. А дальше... Дальше они, возможно, возьмут управление на себя и доставят корабль на Землю. А я, надеюсь, смогу вернуться в крио-камеру, избавив себя от многих месяцев одиночества на пути к дому.

– Надо было идти в ботаники! Вон, спят себе без задних ног, голова ни о чём не болит, а ты тут бегай, спасай всех, даром что доктор.

По регламенту во время аварии система должна будить капитана и врача. Но в нашей ситуации что-то пошло не так. Всё пошло не так! И я очнулся один. Отключать камеру капитана вручную я не рискнул. Система пробуждения довольно сложная, и лишний раз проходить через этот процесс человеку не к чему, уж как врач, я это отлично понимал. Так что я дал себе время на то, чтобы попытаться устранить аварию своими силами. А справившись с этим, остался один в ожидании связи с Землёй.

– Может быть уже сегодня? Или завтра? Ну в крайнем случае послезавтра... Где твоё терпение? – Мне остро не хватало пустой болтовни. Обсудить матч, пожаловаться на меню, которое за эти месяцы осточертело, узнать хоть какие-то последние новости не важно о чём. Звёздная туманность снова приветливо мерцала в зоне видимости: «Вы хотите поговорить об этом, доктор?»

– Ты сходишь с ума. Но давай честно, рановато.

Я откинулся в кресле и задумчиво любовался видом. Что там, за этими звёздами? Или среди них? Сидя на Земле всем

сердцем я рвался в едином порыве с моим народом достичь звёзд. Это было чудо, неосуществимая мечта, которая вдруг сбылась. И вот я здесь. Где-то. И это совсем не похоже на мечту. Я чувствовал себя узником, а не покорителем галактики.

– Да-да-да, мы добыли множество бесценных образцов, провели опыты и получили важные сведения. Наша миссия успешна! Кончай ныть! Только вот добраться бы теперь домой... – Экран бортового компьютера включился и замерцал благословенным светом. Моё сердце подпрыгнуло и забилось быстрее. – Неужели! Вот оно!

– Земля вызывает борт номер 17. Земля вызывает борт номер 17. Ответьте!

– Борт номер 17 на связи, – мой голос был крепок и решителен. Не зря я думал вслух и болтал сам с собой всё это бесконечное время ожидания. А то хрипел бы сейчас, позабыв все человеческие звуки!

– Борт номер 17, мы сканируем вас, оставайтесь на связи. «Стандартная процедура. Скучно. Если я правильно помню, а я правильно помню, это займёт два часа. Но уходить из рубки нельзя. Пропал мой обед! Ты должен радоваться, но снова недоволен. Что за никчёмное существо – человек. Как трудно ему угодить!»

Минута за минутой тянулось ожидание. От результатов сканирования зависело очень многое. Смогут ли они управлять кораблём на таком расстоянии и доставить нас домой?

Нужно ли мне поднимать остальных членов экипажа? Смогу ли я вернуться в крио-камеру, или мне предстоят месяцы бодрствования в одиночестве?

Я надеялся на лучший исход, не исключая худшего.

– На связи Земля. Борт 17, ответьте.

– Борт 17 слушает.

– Доктор это вы? Сканирование завершено. Показания всех систем и членов экипажа в норме. Поздравляем вас с успешным поддержанием жизнеспособности корабля и экипажа в аварийной ситуации. Земля гордится вами!

– Рад быть полезен своему народу! – На одном дыхании выпалил я привычную фразу. – Разрешите узнать дальнейшие планы командования?

– Борт 17, вам предстоит возвращение домой. Дальнейшее управление центр берёт на себя. Вы, доктор, можете быть свободны. Встретимся на Земле.

Я почувствовал невероятное облегчение. Наконец, моё одинокое заточение подошло к концу. Крио-камера ждёт своего героя. Сладкий сон в течение ближайшего года, и мягкое пробуждение уже на Земле. Звучит, как сказка!

«Что ж доктор, ты неплохо справился! А теперь – обед и спать!»

Я потянулся всем телом и поднялся с кресла.

– Борт 17! Доктор! У нас для вас личное сообщение.

– Борт 17 слушает. Я слушаю!

«Неужели что-то случилось с родителями? Они так пере-

живали за меня и сообщения о нашей аварии наверняка привели их в ужас. Боже мой, надеюсь, они в порядке!»

– Милый, ты слышишь меня? Ало, ало? – В рубке прозвенел тревожный голос моей нежной Анны. Как ей удалось добраться до центра управления полётами?!

– Анна, родная, я здесь! Я слышу тебя!

– Ах, я так волновалась за тебя! У тебя всё в порядке? Ты здоров?

– Анна, я же врач, конечно я здоров, как может быть иначе! Скажи, как ты, как мои родители?

– У нас всё хорошо, мы ждём тебя. Пожалуйста, поговори со мной! Мне дали пять минут. У нас есть пять минут.

Я расслабленно опустил обратно в кресло. Мечты сбываются. Как тосковал я по этому общению! Как не хватало мне милого голоса близкого человека!

– Дорогой, не передать словами, как я скучаю без тебя, – зашептал её голос в эфире. – Я просила, я умоляла их дать мне возможность связаться с тобой. Они сказали, ты герой, ты спас корабль, спас людей! Они не смогли отказать.

– Анна, милая, как же я рад тебя слышать. Мы увидимся через год. Это долго, я знаю, но я буду в крио-камере и время пролетит незаметно.

– Да, незаметно. Для тебя. – Её голос задрожал. – Прошлый год тянулся так долго. И мы, наконец, можем говорить! Это такая радость для меня! Я люблю тебя!

В её словах не было упрёка, но я почувствовал лёгкий

укол совести. Безвыходное ожидание с недавних пор стало мне знакомо. И меньше всего я хотел подвергать этому любимого человека. Да, для меня время в полёте пролетит незаметно. Но для неё... оно будет тянуться и тянуться, как сгущёнка на ложке.

– Любимый, пожалуйста, мы можем поговорить завтра? Мне пора заканчивать сейчас, они и так были добры к нам. Но я просила их, я просила разрешения приходить сюда хоть изредка и говорить с тобой. Мне не хватает тебя, милый.

– Конечно, я буду ждать тебя завтра, куда ж я денусь в этом пустом космосе?!

– Борт 17, говорит Земля. – В рубке снова звучали холодные позывные связиста. – Сеанс окончен. Счастливого полёта! Доктор, – в голосе появились человеческие нотки, – ещё раз поздравляем, так держать!

Весь условный космический вечер я провёл поглощая торжественный обед, переходящий в ужин.

– Ай да доктор! Ай да молодец! – Нахваливал я себя поднимая пластиковый бокал идеально-сбалансированного витаминно-химического коктейля за своё здоровье.

Позади увлекательный год крио-сна, недоступных прежде человечеству исследований, восстановление систем наиболее сложнейшего космического судна, невыносимое одинокое ожидание, – и вот он я, герой и победитель!

– Хм, ты никогда не был тщеславным, приятель! Что

вдруг случилось? – Мысли проносились в голове одна за другой. Слишком сильное напряжение, сменившееся хорошими новостями и по сути полным снятием с меня этой безумной ответственности и за людей, и за результаты исследований.

– Теперь ты обычный пассажир, доктор. С билетом в первом классе. Наслаждайся. Год впереди. Целый год.

Я вспомнил трепет нежного голоса моей Анны. Хорошая моя, каково ей оставаться на Земле и ждать меня, безумца, принявшего эту честь унести далеко и на долго. Я прежде не думал о таких вещах, но время одиночества и тоскливого ожидания многое изменили в моей голове. Врагу не пожелаю такого.

Несмотря на сытный обед, я долго не мог уснуть, лёжа у себя в каюте. По плану мне следовало бы сейчас подготавливать крио-камеру и погружаться в сладкий сон. Раз! И я уже на Земле. Красота! Но завтра Анна ждёт меня. Я не могу её подвести. У неё нет крио-камеры. А если бы и была, не уверен, что она бы согласилась ею воспользоваться. Моя Анна особенная, полная жизни, полная чувств, как променяла бы она всё это на пустой сон?

С формального бортового утра и до условного бортового вечера время тянулось бесконечно. Я, как призрак, слонялся по кораблю. По привычке проверял показания датчиков. Абсолютно бестолковое занятие теперь, когда полный контроль управления был у Земли. Съел завтрак, обед и даже полдник.

Оценил и одобрил неизменную привычку англичан: налил себе чашечку чая в условные пять часов по полудни. Видимо, им так же тоскливо там у себя на острове, как и мне.

Я с нетерпением ждал связи с любимой женой. Тоска от приевшегося ожидания сменялась нетерпением и радостью от того, что скоро я услышу дорогой мне голос. Не знаю, чего в конечном итоге было больше: радости или скуки?

Обосновавшись в рубке ближе к предполагаемому времени связи с третьей по счёту чашечкой чая, я снова беседовал со своими друзьями из звёздной туманности.

– Как же мне повезло встретить вас здесь, не будете ли вы столь любезны скрасить моё ожидание? Ну что вы, что вы, вы несколько не помешаете. Не хотите ли чаю? Может, кексик? У нас сегодня ванильные.

Панель управления замерцала и сердце моё нежно сжалось.

– Милый, ты здесь? Милый, ты слышишь меня?

– Анна, я слышу тебя, как же я рад!

Эта трогательная болтовня двух любящих сердец! Непонятно о чём, но непременно о самом важном. Анна поведала мне все новости, всё что я пропустил за этот год из земной жизни. Я не мог не спросить о результатах футбольных матчей, не мог не пожаловаться на наскучившее идеально сбалансированное витаминно-химическое меню. Не мог не рассказать о всех своих мучительных мыслях, тревогах, но так, чтоб не напугать её до смерти.

– Милый, ты герой! Я так люблю тебя!

– Ну что ты, мне просто не повезло очнуться одному. Если бы система сработала правильно, героем был бы наш славный капитан. А я бы просто следил за его здоровьем, как и положено мне по должности. – Я довольно потянулся, ожидая её искреннего протеста, и тут же услышал:

– Ах, ну что ты, ты такой скромняга! А на самом деле, ты герой! Весь мир твердит о тебе! – Моя улыбка вовсе не говорила о моём тщеславии. Кому не было бы приятно услышать о себе такое!

– Анна, послушай, – сказал я серьезно, заёрзав в кресле. – Нам нужно договориться кое-о-чём теперь. Впереди долгий год полёта к Земле. Я понимаю, что тебе грустно без меня. Но в конце концов год это всего лишь год в нашей долгой и счастливой жизни. Я вернусь, и мы всегда будем вместе, мы никогда больше не расстанемся, ни на месяц, ни на день, ни на час, обещаю тебе. А теперь мне нечего делать здесь, на корабле. Управление полностью взяло на себя командование. Мне остаётся только воспользоваться крио-камерой и уже очень скоро я проснусь и смогу обнять тебя.

– Ты проснёшься через год. – Спокойно ответила она. И добавила, – год, который я буду жить, а ты нет. Это не одно и то же.

– Анна, дорогая, ты права, ты будешь жить этот год, заниматься множеством своих дел, общаться со множеством людей. А я, я просто усну и проснусь. Я ничего не потеряю.

Так же, как и ты.

– Нет милый, ты потеряешь год жизни. Год живого общения. Год нашей любви.

– Нет, милая, это не так...

– Послушай, я знаю, что тебе не просто, я понимаю, что тебе одиноко. – Анна замолчала на секунду, подбирая слова, и снова продолжила. – Но ты хочешь заменить жизнь небытием. Как бы ни было сложно, это жизнь, она наполняет и даёт опыт. У тебя есть ты, ты! У тебя есть я. Твоё командование готово предоставить нам этот канал связи вплоть до твоего возвращения на Землю. Ты хочешь заменить простой период жизни полным её отсутствием. Так? Я не понимаю тебя.

– Когда ты так говоришь, ты смущаешь меня, милая. С моей стороны всё выглядит иначе. Всё просто. Я не хочу проводить этот год сложно, мучаясь от безделья, страдая в перерывах между нашими сеансами связи. Я тоскую по тебе, мне не просто даётся это ожидание, а общение на расстоянии только отягощает эти чувства.

– Дорогой...

– Нет, послушай. Я вернусь, всё будет идеально. А сейчас это невозможно. Чем делать что-то кое-как лучше не делать вовсе. Ты сосредоточишься на своей жизни, а я пропущу этот год в глубокой заморозке. – Я усмехнулся собственным словам. – Да, я знаю, что это не полезно. Но это самый простой и рабочий вариант. А потом я обниму тебя и больше

никогда не отпущу.

– Но милый, ты хочешь прикинуться мертвым, а потом сразу стать идеальным. Так не бывает. Пожалуйста, услышь меня, у нас появилась возможность общаться. Ни у одного астронавта ни на одном улетевшем корабле нет такой возможности. Нам так повезло! Ты жив, ты видишь за стеклом то, что никогда не увидят другие, ты можешь писать, говорить, мыслить, ты можешь жить целый год. Ты можешь делить это время со мной. Прошу тебя, не отказывайся от жизни ради идеального будущего. Когда ты вернешься ты обнаружишь, что его не существует. Но уже не сможешь вернуть этот год. Так же как не смогу его вернуть и я. С тобой. Да, это будет мой год. Но не твой. Не наш.

Её голос был спокоен. Больше всего я боялся сейчас услышать её сдавленные всхлипывания или откровенный плач. Что мог бы я сделать тогда, в тысячах световых лет от неё. Всё что она говорила казалось мне бесконечно эгоистичным. Как может она понять меня, запертого в этой консервной банке? Как может она понять это, имея доступ ко всем благам и развлечениям Земли?

Как, по её мнению, я должен коротать тут время между нашими радио встречами? Болтать со звёздами? Режиссировать кулинарные шоу? Писать роман? Всё это полный бред! Разве можно сравнить год тоскливой жизни и год сна, пролетевшего за секунду?

– Дорогой, ответь мне, ты здесь?

– Анна, не волнуйся, я здесь. Всё хорошо.

– Время вышло. Мне нельзя тут больше оставаться. Скажи, что я могу прийти завтра. Скажи, что я услышу тебя завтра. Прошу тебя!

– Я не знаю. Анна. Я не знаю. Правда. Береги себя. Мы увидимся. Обещаю тебе, всё будет хорошо.

Экран погас, извещая о закрытии канала связи.

«Чёрт побери, зачем надо всё усложнять?!»

Я ужасно злился. На себя, на неё, на этот дурацкий космос, который обещал что-то невероятное, а превратился в тоскливую бытовую всепредвиденность.

– Вот уж правду говорят, не место красит человека... – Я горько усмехнулся. – Не усложняй себе жизнь, доктор, следуй плану.

Но чем больше я думал, тем больше запутывался в собственных мыслях. Слова Анны вызывали протест. Бесконечный, бескрайний эгоизм я слышал в них. Но что-то задевало, заставляло испытывать неприятное липкое чувство собственной никчёмности.

В чём моя жизнь, если я не хочу прожить её так, как мне дано? Я правда хочу перепрыгнуть через год пустоты? Значит ли это, что моя жизнь пуста сама по себе, если не заполнена аварийными ситуациями, больными пациентами, приказами командования?

Как я вижу этот год впереди? Это год свободной жизни с самим собой? Год общения с любимой женщиной? Год ожи-

дания, нетерпения, тоски. Что именно я хочу заморозить и отменить? Себя?

– К чёрту! К чёрту всё это! У меня есть план. Регламент, в конце концов. К чему выдумывать что-то новое? – Я поймал себя на том, что всё ещё сижу в рубке в кресле первого пилота и, ошалело вращая глазами, рассуждаю сам с собой. – Тревожный звоночек, доктор, не находите? Может, кексик? Может, чашечку чая? Правы англичане. В любой непонятной ситуации пейте чай, доктор!

Я поднял глаза на огромное стекло – за ним чернота. Туманность скрылась из виду при очередном витке корабля. За всё время после аварии я так и не удосужился рассчитать, с какой периодичностью и когда она появляется передо мной. Что я ещё не удосужился заметить в этот пустой период ожидания?

– Ты не заметил, что живёшь. Прямо сейчас. А не тогда, когда кто-то выйдет на связь и решит все твои вопросы. Глупый, глупый умный доктор!

5:35 по бортовому времени туманность выплыла с правого борта и двинулась к центру стекла. Ровно через 73 минуты она скроется за левым бортом и снова появится в 11:17 на очередные 73 минуты.

– Рад вас видеть ребята! – Сказал я громко. – Кажется, теперь я знаю о вас чуть больше. То ли ещё будет!

Экран начал мерцать, моё сердце забилося быстрее, а по

лицу разлился живительный румянец, и я услышал нежный тихий голос:

– Милый, ты здесь? Ты слышишь меня?

– Милый, ответь, ты здесь?

– Анна, я здесь, я с тобой, я слышу тебя! Как ты?

– О, как я рада! У меня всё хорошо.

– Отлично! Анна, послушай, я решил, как нам быть! Это лучшее решение для нас обоих.

– Что ты придумал? Расскажи!

– Всё просто. Ты тоскуешь без меня, это понятно! А мне нужно как-то сократить бесконечный год в этой железной банке пока мы не встретимся. Так?

– Да, любимый, я очень, очень тоскую без тебя... Но я говорила тебе вчера, дело даже не в этом...

– Да-да, я помню. Смотри, мы с тобой давно не общались, и ты права, никто в подобных условиях не имеет таких возможностей, какие предоставлены нам. Было бы глупо терять это! Поэтому вот что я решил. Мы с тобой будем на связи каждый день ближайшие две недели. Назовём это нашим отпуском. Представим, что мы, наконец, встретились и отправились вдвоём в путешествие. Только ты и я. Мы проведём это время вдвоём. Твоя тоска утихнет, мы снова будем вместе! А потом я воспользуюсь крио-камерой, и мы встретимся уже на Земле. Так мы пообщаемся вволю, и тебе снова станет спокойно, а я не буду мучиться взаперти целый год,

понимаешь? Усну и проснусь уже в твоих объятьях. Как тебе моя идея?

– Дорогой, милый мой, ты так решил... – Её голос был спокойным и нежным, таким, какой я всегда любил. – Я рада, что завтра снова услышу тебя. Я не знаю, захочешь ли ты продлить эти две недели позже или действительно уснёшь на целый год... Я не знаю... Я знаю, что завтра я снова буду говорить с тобой, и это всё, что для меня сейчас важно.

– Я рад, что ты поддерживаешь меня! Как хорошо, что мы договорились!

– Да, хорошо. Послушай, оставим это сейчас, ладно? Расскажи, неужели ваши космические обеды вкусней того, что готовлю для тебя я? – Я услышал её смех и окончательно расслабился.

Идея, которую я предложил Анне пришла в мою голову не за долго до нашего сеанса связи. Это было гениально! Но всё же я волновался, как она воспримет её. Никогда нельзя быть уверенным до конца, когда речь идёт о женских чувствах.

Как же я рад, что всё прошло гладко! Мы провели чудесный час, болтая о всяких пустяках, как это бывало в первые месяцы нашего знакомства. Теперь у меня было прекрасное настроение. Я, герой, каких мало, скоро окажусь дома после невероятного космического путешествия, я спас для моей страны и всего человечества результаты важнейших исследований. Теперь мир не будет прежним! Я проведу счастливые две недели, зная, что доставляю удовольствие любимой

женщине. А сам факт того, что дополнительные две недели одиночества вполне терпимы для человека с развитым интеллектом... Да что скрывать, я как профессиональный врач вполне могу диагностировать у себя извращенное чувство удовлетворения от того, что мне предстоит пострадать вполне определенное и непродолжительное время на радость дорогому человеку.

– Фух, братец, а ты неплохо всё придумал! – Моему самолюбованию не было конца. – Создаётся впечатление, что это будут две лучшие недели в твоей жизни!

– Слышите, звёзды? Вы тут висите миллиардами лет, а такого умного парня, могу поспорить, ещё не встречали!

Звёздная туманность завершала своё движение в зоне видимости, справа от меня.

– Уже уходите? Что, даже на чай не останетесь? – Я рассмеялся, и послал им воздушный поцелуй. – Ещё две недели я с вами. А потом, адъёс, буду наблюдать за вами с Земли. В большой, красивый телескоп. Обещаю!

Вернувшись после ужина в свою каюту, я счастливо растянулся на кровати. Сегодня вечером, впервые за долгое время, я буду засыпать в радостном предвкушении следующего утра. Анна права, жизнь может быть прекрасна даже в этой консервной банке!

Две недели пролетели на удивление быстро. Если учесть, что дни мои особо ничем наполнены не были. По вечерам я болтал с Анной, и с каждым нашим разговором тоска по

Земле становилась меньше. Мне даже стало казаться, что пустые дни, когда они не бесконечны, имеют свою прелесть. Мой загруженный прежде мозг расслабился, я стал хорошо спать, снова почувствовал здоровый аппетит, и не мог не заметить, что безделье и предвкушение скорого окончания этого грандиозной космической авантюры, на фоне незатейливых разговоров с женой, положительно сказывалось на всём моём состоянии.

В последний наш разговор Анна была мила, как обычно. Её голос ничуть не выдавал её грусти. Хотя я был уверен, что она грустит перед очередной нашей вынужденной разлукой. Я опасался, что, возможно, она будет меня уговаривать побыть с ней ещё пару дней или недель, что оказалось бы слишком тяжело для меня. Моё настроение было на подъёме именно потому, что сегодня ночью мой последний вечер на этом чёртовом корабле. Проснулся я уже на Земле, под чутким присмотром команды земных служб поддержки. А значит, уже завтра, я буду дома.

– Милый, я люблю тебя! Помни это всегда, где бы ты ни был.

– Анна, я тоже тебя люблю. И я с нетерпением жду нашей встречи. Пожалуйста, займи себя чем-нибудь в эти месяцы, пока корабль не достигнет Земли. Прошу тебя, проведи это время так весело, как ты можешь. Тогда сегодня вечером я буду засыпать, не волнуясь за тебя.

– Хорошо, я обещаю тебе. Я проведу этот год так, чтобы

никогда не жалеть о нём. И прошу тебя о том же.

– Анна, я помню, всё, что ты мне сказала в первый наш разговор. И я уверен, что сама бы ты на моём месте, выбрала прожить этот год иначе. За это я тебя и люблю, моя милая! В тебе столько жизни, что ты можешь наполнить ею каждое мгновение даже самого тоскливого существования. Знаешь, когда мы встретимся, наконец, я попрошу тебя, пожалуйста, дать мне пару уроков жизнелюбия.

Мы оба рассмеялись и, в последний раз попрощавшись, отключили передатчик.

Что ж крио-камера ждёт меня. И, пожалуйста, в этот раз я обойдусь без ужина.

Перед глазами мягко горел экран. Бегущей строкой появилась знакомая надпись: «Здравствуйте, доктор, вы проснулись, все системы работают в нормальном режиме, пожалуйста, дождитесь зеленого сигнала. Зелёный сигнал через 5...4...3...2...1».

– Доктор, рады вас видеть, как самочувствие? Голова не кружится? Вставайте аккуратно. Так, отлично. – Молодой мужчина в белом костюме санитарной службы с восторгом смотрел на меня.

Мысли пролетали в голове одна за другой. «Миссия... авария... год в заморозке... что с моим здоровьем? Надо будет перепроверить их результаты... Анна!»

– Доктор, вас ждёт командование. Прямо сейчас. Прошу

за мной.

Пару часов я провёл в зале главного штаба. В иной ситуации меня бы сначала отпустили домой, отдохнуть, как поступали со всеми членами экипажа. Но в моём случае им нужен был доклад по аварии немедленно. Дело было серьёзным, на кону стояла безопасность страны, безопасность мирной жизни. Они хотели расследовать все обстоятельства как можно скорее и либо исключить вероятность диверсии, либо подтвердить её и принять меры.

– Доктор, спасибо. Вы проделали невероятно важную работу! Страна гордится вами. Сейчас вы можете быть свободны. – Генерал мягко улыбнулся, и его голос изменился. – Я думаю, вам давно пора домой.

Официальная часть, закончилась и я позволил себе менее формальный ответ:

– Да, генерал, благодарю вас. Вы правы, мне нетерпится оказаться дома и обнять жену.

Улыбка исчезла с лица генерала.

– Жену? Анну?

– Да, генерал, я так благодарен вам за то, что вы позволили нам воспользоваться каналом связи! Я понимаю на сколько это шло в разрез с общепринятыми правилами! Ещё раз благодарю вас!

– Доктор, так вы не знаете?

– Генерал?

– Доктор, мне тяжело сообщать вам это... Однако... Я не

ожидал. Ситуация, конечно, была нестандартная. Но... – Он замолчал на пару секунд, а я с удивлением понял, что обычно невозмутимый генерал испытывает явную неловкость. – Доктор, я вынужден сообщить вам, что вашей жены больше нет. Анна умерла. Два месяца назад. У неё был рак. Мы полагали, вы знали об этом. Собственно, вы правы, ваше общение шло в разрез, как вы выразились с общепринятыми правилами. Именно учитывая вашу нестандартную ситуацию, аварийное отключение вашей крио-камеры, ваш героический поступок по спасению корабля, членов экипажа, результатов исследований. И болезнь вашей жены... В общем, доктор, вы понимаете, у командования были причины пойти на встречу Анне, когда она попросила разрешения связаться с вами.

Генерал говорил, я слышал каждое слово, но не мог понять. Его взгляд стал мягким, полным сочувствия, и именно это не оставляло никаких сомнений, что всё что я слышу это не результат нарушения мозговой деятельности после года заморозки. Его взгляд не оставлял мне шанса. Всё кончено. Анны нет. Моей Анны больше нет.

На ватных ногах я вышел в коридор и поплёлся к центральному входу. На подъездной дорожке меня ждала машина с водителем. Путь к дому занял два часа. Всё это время я крутил в памяти наш последний разговор. Нет, все наши последние две недели. Где и что я упустил? Как я мог не услышать в её голосе предостережение скорой разлуки? Разлуки навсегда.

– Почему она ничего не сказала?

– Доктор? – водитель посмотрел на меня через зеркало заднего вида – Доктор, вы что-то сказали?

«Черт, я привык думать вслух, застряв на этой жестянке!»

– Всё в порядке. Долго ещё?

– Ещё около часа доктор. Прежде, если вы помните, дорога занимала больше времени. Но пока вас не было они отстроили новую трассу. Сказать честно, пока вас не было многое изменилось!

– Да... Всё изменилось. Пока меня не было...

Мой голос выдал моё состояние. Должно быть он подумал, что я измотан полётом и всеми последующими процедурами, поэтому замолчал и больше не беспокоил меня.

«Анна, Анна, почему же ты ничего не сказала мне?!»

Дома было тихо и чисто. У меня не было сил подняться вверх в нашу спальню. Хотя единственное, чего я хотел сейчас – это уснуть и не просыпаться как можно дольше.

Но сложно уснуть после того, как проспал целый год. На столе в гостиной я нашёл маленькую карту памяти. Она лежала на белом кофейном блюде. Одним из двенадцати в свадебном наборе. Анна очень любила этот набор и использовала его каждый день. Она говорила, что не имеет смысла хранить для особых случаев то, что может украсить твой день прямо сейчас. Да, она всегда умела радоваться мелочам.

– Но, кажется, ты так и не смогла научить этому своего бестолкового мужа.

Я взял с блюда карту, вставил её в компьютер и открыл файл.

На экране появилось её нежное лицо. Я на секунду замер, а потом быстро дотянулся до клавиатуры и остановил запись.

Не могу сейчас. Не сейчас. Потом.

– Борт 47 ответьте. Борт 47!

– Борт 47 слушает.

– Доктор это вы? Простите. Капитан, это вы?

– Капитан слушает.

– Центр рад сообщить вам, что полёт проходит успешно.

Вы покинули пределы Солнечной системы и направляетесь в назначенную точку. Дальнейшее управление с Земли считаем нецелесообразным. Передаём управление вам, капитан. Счастливого пути!

– Борт 47 управление принял. Счастливо оставаться, Земля!

Я отключил связь и ввёл коды доступа. Что ж, теперь этот корабль полностью под моим управлением, а значит у меня достаточно времени, чтобы всё исправить. На экране высветилась траектория полёта. Я набрал команду и скорректировал цель полёта. Программа начала перерасчёт маршрута.

– Я задолжал тебе, милая Анна. Вернее, я задолжал себе. Но не волнуйся, я больше не буду спешить. Теперь у нас достаточно времени, столько, сколько ты сама захочешь. В этот раз я не буду спать. В этот раз я выбираю жизнь с тобой, я

докажу тебе, что я могу быть счастлив, даже если я заперт в этой консервной банке на вечно.

Я поднялся с мягкого кресла капитана и вышел из рубки. В центральном зале вся правая часть стены была выполнена из новейшего прозрачного сплава. Наши учёные времени зря не теряли. Борт 47 был венцом современного космостроения.

За стеклом мерцала незнакомая звёздная туманность.

– Что ж, ребята, я там настроил кое-что, теперь у нас будет возможность познакомиться поближе. Лет через тридцать, надо полагать. Спорим, вы не ждали гостей? – Я опустил руку в карман и сжал в пальцах маленький кусочек пластика. – Самое время для сеанса связи, моя милая Анна, что скажешь?

Я прошёл в свою каюту и включил компьютер. Вставил карту и открыл файл, как делал это каждый вечер с тех пор, как покинул Землю.

– Милый, я бы хотела сказать тебе всё это раньше. Но тогда у нас не осталось бы тех двух недель, полных радости и лёгкости. Ведь было легко, ты помнишь? А сейчас самое время. Я не дождусь тебя. Хотя очень хотела бы. Я провела этот год, как и обещала тебе, в интересных и важных заботах. Я не скучала ни дня, и поверь, мне не о чем жалеть сейчас. Ты подарил мне идеальные две недели. И если бы я просила больше, это время стало бы мучительным для тебя, я понимаю. Я знала, что не дождусь тебя. Ты можешь злиться на меня за

молчание, но я не хотела превращать наше общение в скорбное прощание. Жизнь полна радости, помнишь? И я хотела радоваться до последнего дня. Дорогой мой, ты помнишь, ты обещал. Ни о чём не жалею. Всё было правильно. Я люблю тебя. И верю, что через некоторое время ты забудешь меня и снова сможешь быть счастливым. Жизнь может быть долгой. И нет причин останавливаться на её тёмной полосе. Прошу тебя, иди вперёд и ты встретишь бесчисленное количество светлых мгновений. Милый, прощай, я люблю тебя.

Запись остановилась. Её лицо замерло. Она смотрела на меня с экрана, как тогда. Но на этот раз у нас было больше двух недель. А если быть точным, то вся моя жизнь.

Корабль стремительно шёл к цели. К моей цели. Очередная миссия где-то в далёкой галактике? Нет! Меньше всего теперь меня интересовали задачи командования. Я потратил последние пять лет на то, чтобы добиться должности капитана. Бессонные ночи, сотни часов полётной подготовки.

– Никогда не поздно сменить профессию, правда, доктор? – Анна правильно сказала тогда: я герой, они не смогли мне отказать. Кроме того, моё стремление снова оказаться в космосе после аварии и возможной потери корабля, которую я предотвратил, было на руку руководству страны. По их мнению, своим отчаянным примером я вдохновил каждого члена общества.

Что ж, они увидят ещё один пример.

Я вышел из каюты и спустился в отсек с крио-камерами.

Сами камеры были надёжно зафиксированы вдоль стен. У каждой была панель управления. Но в центре зала стоял и общий аварийный пульт. Я подошёл к нему и ввёл пароль доступа. Теперь, когда Земля далеко, центр передал мне все функции контроля. Я ждал этого момента долгих пять лет. Я научился ждать.

– Так, 735 дней... – Таймер пробуждения вёл обратный отчёт с точностью до секунды. – Вам нет смысла просыпаться, друзья мои. Едва ли вы оцените нашу новую миссию.

Я набрал на панели несколько команд и отключил таймер. Теперь крио система будет работать пока жив этот корабль. А учитывая открытые нами технологии, фактически, вечно.

После отключения мною таймера камер корабль принял новую команду и погрузил все отсеки в режим эконом потребления. Свет погас. Только вдоль пола мерцала бледная неоновая дорожка, указывающая повороты и разветвления коридоров.

Я вернулся в центральный зал и подошёл вплотную к стеклу. Туманность скрылась из вида и появится снова через пару часов. Перед моими глазами было темно. Так же, как и за моей спиной. Но это не имело значения. Я затаил дыхание и почувствовал удары своего сердца. Раз... Два... Три... Каждый из них дарил мне жизнь.